

то было времечко
старое - старое,
не только
нас с вами, но и вообще
цыган на свете
не было... Кони были,
а цыган нет!
Да и татаров,
и грузинов, и армянцев
тоже не было...
Были одни - человеки,
и всё!

ВОСПОМИНАНИЕ

Ром
Баро

ровать их, но Иван Иванович не позволил): «Сестра известного Петроградского дирижера...», «Любимка и симпатии публики...», «Известный дирижор-увертуоз Шышкин...», «Гладкова потом вышла замуж за князя Голицына она мать князя Сергея Голицына и еще до начала открытия ресторанов она ходила петь с хором в Марину росшу...». Таких дорогих деталей множество рассыпано в книжке.

Отец не сказал мальчику и двух десятков слов — так был строг: взгляда, жеста хватало. Зато бабушки и «тетки» (цыганское родство не обязательно кровное) не скупилась на сказки, «были и небыли» якобы из жизни. Все детские впечатления Вани связаны с хором. Например, как его родители делили прибыль и раздавали артистам их долю, и никогда никаких споров, обид: каждый знал, много ли дохода он лично принес, брал заработанное и с достоинством уходил, включая старых и немощных, которым хор платил нечто вроде пенсий.

А как занимательны страницы о годах бродяжничества Вани по «военной», потом «красной» и «белой» России: там и плен, и кутузка, и работа под конвоем, и житье у добрых людей, в том числе в клетушке при апартаментах одесской проститутки.

О годах, когда создавали цыганскую студию, а потом театр «Ромэн», Ром-Лебедев еще пишет с юмором. Например, цыганка заполняет анкету. Подходит к Ивану Ивановичу: «Чего эта бумага ко мне привязалась!» Действительно, какой-то листок задает и задает человеку дурацкие вопросы, цыганке это особенно нестерпимо: где да кем работали родители. «Пиши: упокойники!» — диктует она дяде Ване.

К сожалению, несколько бледнеет язык автора в описаниях счастливой жизни цыган после октября 17-го. В традициях этого народа — никогда не спорить с властями (иначе не приживался бы он в разных странах за десять веков после исхода из Индии), и потому Ром-Лебедев как истинный цыган исправно отдает дань с лихвой Советам за освобождение своего народа от непонятного какого гнета (как лудили посуду по двору, да козели коней, да пели-гадали, так и по сей день этим промышляют). Правда, однако, есть правда, и Ром-Лебедев дает нам картинки непривычного занятия соплеменников — цыганки на трудовом фронте, в колхозах и т. д.

Театр «Ромэн» — уникальное место, где можно начинать смеяться или плакать прямо от входа. Люди, лица, язык, логика, суждения, отношения — все эк-

зотика для постороннего. Увы, для Ивана Ивановича это норма. И прочитав книжку, я упрекаю его: где история женитьбы на цыганке Маше Шишкиной брата Льва Толстого — Сергея (уже прижил с нею детей, ехал прощаться навсегда перед венчанием с другой, но увидел ее перед иконой в неистойой молитве — и не смог расстаться)? Где история Ивана Хрусталева — тоже драматурга, актера и балетмейстера театра (в молодости танцевал на столе в ресторанах, ни одной хрустальной рюмочки не заденет)? Где история его жены Ольги Янковской (пришла в театр совсем дикая, но какая талантливая! Увидела «беспольный» занавес из бархата, сразу и отхватила себе метр на юбку)? Где подробности жизни Ляли Черной (Надежды Сергеевны Киселевой), кто же напишет жизнь такой красавицы и артистки, как не Ром-Лебедев? а какие встречи у театра с таборами случались? а как по-цыгански погибли оба брата-артиста Монти и Янош (кровная месть еще не изжита в народе)? а истории Сережи Золотарева, Коли Сличенко — кто же их расскажет-то? а как Раю Удовикову с Украины привезли в театр под лавкой в вагоне ну чистой замарашкой и как она потом блистала в Париже? а какие это были спектакли под названием «партсобрание в цыганском театре»? а как не умеющие читать молодые актеры учили роли с голоса? а как рыдал в зале Назым Хикмет и потом сказал за кулисами: «Сколько живу в СССР, столько думаю, что у вас вообще нет театра, один Станиславский, и вдруг догадался прийти к вам, о боже, те ат р!» а сестры Кононовы с их удачным замужеством, красотой и вечным клоунизмом? а как Ольга Янковская уже заслуженной артисткой для разминки иногда лимон утягивала с лотка?

Ну дядечка Ванечка, говорю ему, зачем поленился много-много всего

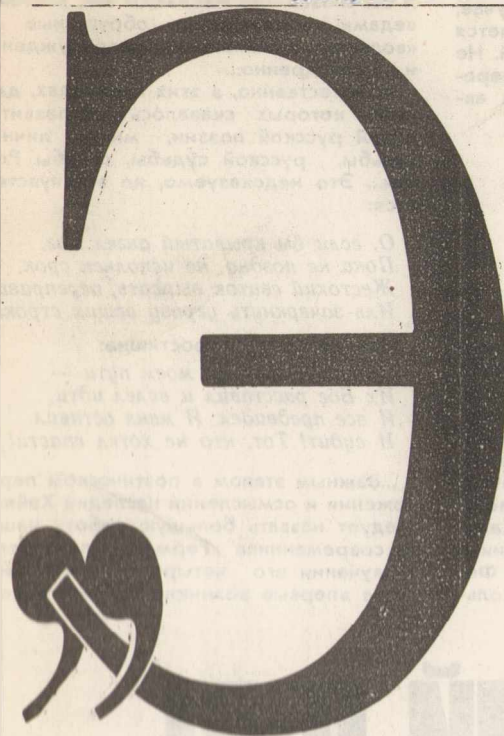
вспомнить! А он смеется и говорит, что я цыган не знаю, они же с кашей съедят, если кого забудешь, лучше и не начинать. А я думаю, что права была родная сестра Ром-Лебедева — Сантина, которая говорила мне, что настоящий цыган должен быть ленив так, что руки ни за чем не протянет. «Вон Боря Завицкий, — показывает мне на красавца актера, — сидит на террасе и зовет жену с другого конца дома, чтобы ребеночку воротничок поправила, вот это цыган!» Эх, Сантина, подруга моя была, у нее даже телефон был цыганский: она может по нему звонить, а к ней — нельзя, потому что номер неизвестен. Вместо «здравствуй» она встречала меня вопросом: «Нэ, какие промежутки?» — объясняя, что «промежутки» — это самое красивое слово в русском языке.

Нет, лучше заканчивать эту рецензию, а то Нина позвонила и сказала, что Иван Иванович цыганский номер выкинул: в квартире с закрытыми окнами вспаление легких подхватил.

Н. ЛОГИНОВА

Р. С. Чуть не забыла заголовок объяснить. Ром Баро — это по-цыгански вожак, крупная личность, значительный, удачливый, сильный. Русские плохо слышали и думают, что это «барон». Ром-Лебедев никогда вожаком не был, но все остальное к нему относится. Например, он страстный рыболов и всегда умудрялся поймать леща даже там, где он не водится.

Р. Р. С. 5 января запечатывала гранки этой статьи в конверт, чтобы послать Рому в больницу и немного развеселить его. Звонит Нина и говорит, что Иван только что умер. Она протянула ему горсть таблеток, а он что-то заскучал лечиться и сказал, что ненадолго уснет. И обманул: не проснулся. Отпевали его в церкви Всех Святых.

ТАКОЕ начало дивной сказки приводит в своих «Записках московского цыгана» Иван Иванович Ром-Лебедев. Самого автора как будто заколдовала таборная ворожея, подарив ему вечную молодость: ну укажите мне другого 90-летнего (без малого) мужчину с таким красивым и гладким лицом, смеющимися глазами! Здороваясь, подает большую теплую руку. Сидит за столом в красном пушистом свитере и рассказывает об искусстве и обычаях цыганских хоров у Яра и в Стрельне. Но едва встанет со стула во всю свою двухметровую высоту, то сразу и обопрется руками о стол и зовет жену Нину, чтобы помогла ему до кресла добраться: видимо, цыганка отвлеклась, когда ворожея, и ногам его силы не дала на долгую жизнь.

Помню, как жалею ему лет пятнадцать назад: «Дядя Ваня, почему я не могу слова разобрать, когда хор поет «Участь!» Махнул рукой: «Потому что они поют «У-у-у-ча-асть...», а дальше «бала-бала», никто не может вспомнить слова этой старинной песни, а музыка вон какая, ее терять нельзя...» Спрашиваю, а почему он заново не сочинит слова на эту музыку. Смеется: «Некогда». Это правда: он драматург, актер, гитарист да еще книгу пишет, это я знала еще тогда.

Подходит маленькая цыганка: «Ваня, черт, подыграл мне на съемку по телевизору». — «А в какой тональности ты б дещь петь?» — «А во вчерашней». Иван Иванович ласково гладит девочку по голове. Он их обожает, этих ребят, которые еще вчера мотались по вокзалам, ночевали в котельных, а сегодня свободно ходят по сцене, играют роль, не обращая внимания на публику; они — прирожденные артисты.

Ну вот еще ценка: Иван Иванович встает перед началом репетиции и про-

сит приветствовать гостя — к актеру Васе Туманскому приехал отец. Артисты аплодируют, красивый старик в красной жилетке, с бородой, расчесанной надвое, кланяется. «Смотри, с каким достоинством держится», — шепчет мне Ром-Лебедев. Потом по-цыгански спрашивает старика о жительство. Тот гордо говорит, что вместе с сыновьями объезжает на подводе деревни и поселки в Казахстане, собирает пустую посуду, заработок хороший, житьем доволен. «Настоящий цыган никогда не сожалеет, что удача мал», — комментирует мне Иван Иванович.

И вот она передо мной — книжка Ром-Лебедева с чужим названием «От цыганского хора к театру «Ромэн» (заголовок, конечно, отражает суть, но если будет переиздана, пусть дадут авторский — «Записки московского цыгана», он точнее). Десять лет провалялась рукопись в издательстве «Искусство», вот дикость-то. Уникальный автор, неповторимый материал, а все чего-то боялись, тянули. (А поговоришь с западными журналистами: у 30-летнего непременно две-три книжки с репортажами уже изданы, — у нас разве к 90-летию издадут, обидно.)

В театре «Ромэн» все знали, что Иван Иванович — сын дирижера знаменитого хора в ресторане Стрельна. И что еще подростком Ваня играл на гитаре в хоре отца. И как видел Гришку Распутину, который звонил из ресторана «мамочке»-царнице и хвастался перед гостями узором на рубашке, вышитым ею.

Однажды при мне молоденькая актриса сказала Ром-Лебедеву: «Ты можешь книгу написать в трех томах!» Три тома он поленился вспоминать, но один — вот он, белый-белый, с подлинными фотографиями из домашних цыганских альбомов, с чудными надписями на них (кто-то в издательстве хотел зрелуши-

57